

16+

СТОРОЖ

Юрий Тихвинский

Юрий Александрович Тихвинский

Сторож

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51898730

SelfPub; 2020

Аннотация

Любовная мелодрама приправленная криминалом.
Шахматная партия, разыгранная необъяснимыми событиями.

Из записок Николая Устиновича Марченко

Здесь только правда и ничего кроме правды.

Охромел я как раз после третьего развода, видать женская ненависть сыграла свою роль, да так неудачно упал с мотоцикла, что раздробил коленную чашечку – нога после этого стала плохо сгибаться. Помыкался я помыкался... работу, скажу я вам, хромоту найти трудно. А бывшие жёны шипят: алименты на детей давай, змей ползучий.. Вот так из-за хромоты из человека я превратился в змея! А деньги вынь да положь – дети есть хотят. И когда мне предложили место ночного сторожа на кладбище, я даже не раздумывал.

Городок наш небольшой, можно сказать, достаточно средний; вокруг сопки и хвойные леса, на Мытовой горе есть несколько древних курганов, которым за тысячу лет, ну а кладбище прямо на окраине. Правда окраина эта самая, что ни на есть мерзкая, запустение: кирпичные руины, сараи, лачуги.. всё это бывший посёлок, прозванный в народе Нахаловкой. Город с другой стороны стал домами да магазинами прирастать, а сюда только покойников везли. И что интересно, раньше их прямо на кладбище трамвай доставлял, рельсы проложены по кладбищу чуток не до середины, где и заканчивались тупиком. Так среди могил и пролегали, но потом начальство решило (а может местный салтыков-щедрин в газету наябедничал), что непорядок это, трамвай отменили, а

на рельсы рукой махнули, вот они и ржавеют до сих пор. И верно, у нас ведь как: сегодня на нём покойников везут, а завтра, глядишь никто не помер, и начальник, измученный вечными жалобами, крикнет: а давай его, рыжего дьявола, на линию выпускай!..А гигиена где?..Моют его после или нет, одному Богу известно. В общем, усопших теперь колёсным транспортом доставляют. На машинах, а если кого из деревни, бывает и на телегах везут.

Зовут меня Николай, мужчина я, можно сказать, поживший. Отвечу тем, кто считает меня старым: я с первого раза ниткой в иголку попадаю. Архалык, маленький степной городок, поезд там всего две минуты стоит – это моя родина. Служил на флоте, однажды сам утопленника из воды вытаскивал, потом пожарником работал, повидал обгорелых и всяких таких..так что кладбищем меня не испугать. Наоборот, думаю..тишина, покой, летом соловьи в черёмухах поют; буду на лавочке сидеть, закаты там, да рассветы встречать, я с детства люблю на облака смотреть. Правда, когда отчим умер, его мёртвого боялся; он как из тюрьмы вернулся первым делом меня до полусмерти избил. Потом уже, войдя во вкус, так и продолжал дальше бить, но как-то без охотки, а так: попался на глаза, ну значит сам виноват. Я как раз тогда в пятый класс перешёл. Но всё это дела давно прошедших лет.

Приступил к работе, неделя, другая, а всё никак втянуться не могу. Городок-то хоть и не очень большой, а кладбище ого-го, люди мрут как мухи. С древних времён сохранилась тут могила некоего попа Филимона, аж 17 века! Так они с с матушкой и лежат под одним камнем. Люди специально поглазеть на неё приходят. Опять же, старинная церковь Стефана и Симеона Богоприимца, при кладбище, точнее кладбище при ней, просто с годами роли поменялись; стоит теперь с выбитыми окнами, давно не служит. Последний батюшка, отец Лавр, шагнул с колокольни в вечность, хотел “аки птица” по воздуху летать. Даже и ямку на земле показывают куда он упал, грузный, видимо, был служитель да, увы, не божий угодник... Но не мне судить.

Давненько оно случилось, старожилы и те плохо помнят, но вот другие говорят никуда он и не падал, а попросту колоколом его придавило. Может и так, только после этого причт разбежался, а церковь в полное запустение пришла: и своды её, алтарь полуразрушенный, ризница – всё паукам да летучим мышам досталось. Расплодилось их жуть. Ну а сам отец Лавр приходил с того света, будто бы видели, как он в облачении ночью лампадки в храме зажигает; поди разбери, может не принимали его там за грехи или ещё что, вот он и взялся за старое. Только однажды огоньки пропали, ну и разговоры эти сошли не нет.

А теперь если кто по покойнику читать заказывает, вызывают бывшего семинариста Трофима. Мужик он хоть и нестарый, но угрюмый и седой, как в побелке испачканный, однако отчитывает истово, глаголет на совесть – всю ночь, как заведённый псалмы выкрикивает, ажно мурашки по телу; не человек – адамант веры, но с алчным начальством не сошёлся, да... Они хотели, чтобы он им с каждого покойника отступные платил – четвертную, а Трофим на дыбы, ну и нашла коса на камень. И распустили про него слух, что якобы, в городской церкви он украл ящик с пожертвованиями, а здесь подкладывает усопшим в гроб “Протоколы сионских мудрецов”, глупость конечно, но кто-то по недомыслию и поверил.. Вот такая злоба в людях сидит и всем правит.

Теперь дерево. В старой части кладбища растёт дерево, наполовину гнилое, неизвестно когда его расщепила молния, и на коре стали проступать лики покойников.

Они как бы выдавливаются изнутри ствола таинственной силой. Хотя, кто знает покойники ли это, никаких могил рядом нету, дерево стоит само по себе на отшибе, поодаль от кладбища, за ним болото.

Может это никакие и не лики, а просто природа учудила; если один видит там бородатых стариков, то другой (похоже, по грехам своим) ничего не видит, просто морщинистый ствол и всё. Некоторые насчитывают на коре чуть ли не 50 лиц.

Я правда с трудом разглядел только одно). Какой-то дед с усами и бородой смотрит на тебя, как на грешника.

Сказывают, что здесь чуть ли не во времена Стеньки Разина, стоял скит, а на месте болота было чистое тростниковое озеро, но налетели разбойники, рассчитывая поживиться деньжатами, да ничего не нашли и со зла порушили, пожгли скит, а насельников поубивали.

И вот на этом пепелище, на костях убиенных, и выросло это дерево, да такое странное, что и породу его не берусь определить: листья вроде бы как у вяза, а по стволу в самый раз дубу быть.

Народ сюда тропинку протоптал будь здоров, многие приходят поглядеть на лики мучеников; ахают конечно, как без этого, да говорят, кто-то ещё и исцеление получает.

Я, правда, во всё это не верю, люди чего только не навьдумывают, чтобы жилось им нескучно.

Есть и ещё одна “штучка”, это здание кладбищенской администрации. Спроектировал и строил его некий сумасшедший и богатый пан поляк, по своему польскому вкусу и разумению, и вышел этакий мрачный замок из тёмного кирпича в готическом стиле с башенками по углам. Говорят, строил он его, как будущий пороховой завод, тогда как раз война с французом намечалась. Война кончилась, поляк умер, а замок, хоть и недостроенный – остался. Ну, а от ясновельможного пана тоже осталось кое-что..отчество Юзефович на

усыпальнице, написанное по латыни; фамилия и имя не сохранились.

Я немного отвлёкся. Больше всего меня поразил не замок, не Филимонов камень и не церковь, а начальник наш, точнее начальница, статная, молодая, красивая. Когда вижу идёт, смотрю на неё, не знаю как на что..Ох, если бы у меня была такая жена, я бы сел напротив и глаз с неё не спускал, а хоть бы и часами смотрел, всё равно было бы мало, ну да ладно..такое счастье если и привалит – удержать его невозможно; да я сейчас и не про это, так что не буду пустословить.

До меня ещё мать тут её командовала, говорят строгая женщина была, но по болезни отошла от дел и дочери вожжи вручила. Только при виде такой дочки, не о смерти, а о жизни думается. Но и странности за красавицей водятся, рассказывают привезут покойника, она тут как тут, среди родственников у гроба стоит, а то и всплакнуть с ними за компанию может. Спрашивается, зачем?..В её обязанности это не входит. А сменщик мой, Козлов, предупредил, мол, и ночью приходит проверять не спит ли сторож, а то одна и по кладбищу прогуляется – для порядка. Эх, мужа у неё нет, а то бы какой мужик отпустил такую овечку ночью..на кладбище.

Впрочем, есть ли у неё муж этот вопрос пока остаётся для меня открытым. Приезжала она как-то со старичком и даже под ручку с ним по кладбищу прогуливалась, но потом ска-

зали дядюшка это её родной был, решил заранее место себе на кладбище присмотреть.

А всё-таки странно если такая красота вдруг окажется бесхозной. А с другой стороны посмотреть красивые бабы чуть ли не самые одинокие на свете. Рядом с ними долго никто не задерживается – это все знают.

Для примера: Наталья, моя вторая жена, бывало идёшь с ней по улице так мужики присвистывают, мол, где такую кралю отхватил – красавица! А домой явишься с работы она на софе, на мягких подушках нежится и журналы про моду листает. На кухне кастрюли или пустые, или грязные, а в раковине гора тарелок с объедками, тараканы бегают; вздохнёшь, засучишь рукава и давай всё это мыть. Хорошо что на работе пообедаешь, а дома-то всё больше сухомыткой обходился.

Можно конечно долго упражнять свой ум в разгадывании личной жизни директорши, да только сразу натыкаешься на глухую стену: никто ничего доподлинно не знает или не говорит, а всякие домыслы ценности не имеют.

Теперь так: звать начальницу Елизавета Климовна Сумарокова. Лиза, значит. Ну Лиза, пусть будет Лиза, думаю..

Первые две ночи я хорошо отдежурил. Фонари стоят только на входе – два, а само кладбище в темноте, высоким забором огорожено, да и зачем покойникам свет – не люди же. Но ночью, с пути не собьёшься, идёшь по трамвайным шпалам, они аккурат по центру пролегают, фонариком себе подсвечи-

ваешь, не заблудишься..идёшь кирзачами по рельсам постукиваешь для бодрости, или папироску раскуришь. Как и положено по инструкции в полночь и под утро, когда уже светает. Тихо, хорошо, туман только сильный наплывает, весна в этом году поздняя, снег до конца апреля всё тает и тает, так что пробирает сыростью до костей. Но в сторожку придёшь отогрешься, просушишься..Она хоть и сторожкой зовётся, да здание капитальное. кирпичное, разделённое на две половины, в одной могильщики свои инструменты хранят: лопаты, тачки, цемент; в другой сторож, со своей раскладушкой, стол там, стулья, есть даже телевизор. И строилось оно одновременно с замком из такого же тёмного кирпича. Так-то вот.

Иногда я думаю: почему люди боятся кладбищ? Опять же, вокруг этого дела, всякие длинные языки вагон и маленькую тележку вранья наплели.

Ах, рай...Ах, ад! наклеили этикетки, а только никакого отношения они к кладбищу не имеют.

Кладбище, скажу я вам, это что-то вроде колхоза или мастерской: все работают, все заняты делом. Одни могилы копают, другие мусор убирают, третьи памятники устанавливают, четвёртые цветы высаживают, а пятые стерегут всё это добро. Где тут рай? Где тут ад?..

Я даже больше скажу: здесь не только нет ни рая, ни ада,

здесь даже смерти нет! Да-да, смерть, она совсем в другом месте. А здесь только жизнь. Деревья на кладбищах всегда здоровые, крепкие с густыми кронами. Цветы пахнут сильнее, чем в ботаническом саду.; пчёлы повадились мёд с них собирать. Земляника или малина тут самые крупные..это вам не лесная какая-нибудь ягода с горошинку; птицы не пуганные, поют весь день – заслушаешься.

А какие дамы приходят!..Я было хотел к одной причалить, но Козлов меня укоротил – не положено: есть регламент, его и выполняй. В городе, говорит, другое дело, пожалуйста, а здесь нельзя. Но где ж я такую в городе-то найду...Здесь она пришла, вся как на ладони, расчувствовалась, с распахнутой душой, поговоришь с ней ласково, с подходцем, поговоришь, успокоишь, могилку совочком поправишь, и она к тебе уже льнёт, мол, какой человек хороший, вошёл в положение несчастной вдовы – сердце-то её так изранено, что заботу и ласку как губка впитывает. И уже не вдова она, а пластилин в твоих руках.

Но и перегибать палку не годится, тут надо сразу для себя линию провести – вот это можно делать, а это нельзя: человек исстрадался, чашу свою горькую испил до дна, а чужое страдание и боль всегда уважать надо. В жизни всё как в бою – сегодня он упал подбитый, завтра твоя очередь наступит, а уж чтобы очередь не наступила – этого быть никак не может. Об этом всегда надо помнить.

Я три раза был женат и знаю что говорю.

А только дураки рисуют другую картину, мол, не успеет стемнеть как по дорожкам покойники шеренгами маршируют. Что тут скажешь?..Да чтобы я ни сказал мне всё равно не поверят. А только годы сейчас не те, чтобы в ходячих покойников верить. Не знаю как другим, мне они не встречались.

Точно не помню..на пятую или шестую ночь это было. Честно скажу, сначала я всё ждал когда Лиза в моё дежурство придёт проверять ..и как представлю себя с ней наедине, сидим в сторожке чай пьём, у меня сердце готово из груди выпрыгнуть. Кто я для неё?..Червяк, таракан.. а вдруг хоть за пальчик подержаться даст, вдруг что-нибудь такое случится, оказия или что, и она в моих объятиях будет. Хотя какие там объятия, я был бы счастлив просто ползать у её ног.

Вот такие бредовые мыслишки лезли в мою глупую голову. Прибрал я комнатку, вымыл полы, на раскладушку чистое бельё принёс из дома и ещё бутылку сладкого вина припрятал в шкафчике – сам не знаю зачем. Но не шла она. А может и выдумал всё Козлов про Лизавету Климовну и бдение её ночное.

И вот как-то раз иду я в обход, в полночь, как и положено, зябко, пахнет мокрой корой, сырость, туман..Телогрейка моя и кепка все пропитались влагой и как-то так с трамвайных путей отступил в сторону и сразу налетел на крест.

Я вправо пошёл – чугунная ограда, как на грех фонарик в сторожке забыл..зажигалкой щёлкнул, вот это туманище, в двух шагах ничего не видно..Ходил, ходил опять подсветил себе зажигалкой, мать честная, да это ж могила Сулико!... Есть тут одна молодая грузинка, к ней третий год неизвестный живые цветы приносит. И как только угораздило меня так отклониться. Взял влево, иду..И тут смотрю, человек сидит себе у свежей могилки, посиживает. Хвоя на венках ещё не пожухла..Я ему:

– Гражданин, вы кто такой? Здесь нельзя быть..только своим..

Повернулся он ко мне и усмехнулся:

– А я и есть теперь свой.

А сам руки потирает, вроде как замёрз. Лицо его показалось мне знакомо, и я немного успокоился. Может какой, думаю, по снабжению или из дневной охраны, я же недавно работаю не всех ещё знаю, Козлова, Трофима, дворника Егора, а остальных не очень.

– Отец, закурить у тебя не найдётся?

Я дал ему папиросу из пачки и зажигалкой чиркнул. Дей-

ствительно, вижу лицо знакомое, худое такое, щёки впалые. Говорю:

– А я тут недавно работаю и что-то заблудился шёл-шёл ..и потерял рельсы под ногами.

– Да вот они, в двух шагах от тебя.

Показал он мне.

И точно, как же это я не заметил. Попрощался и пошёл обратно, а сам думаю, ну где я этого недавно видел и тут бац – вспомнил! – на прошлой неделе в ритуальном зале гроб стоял, не иначе в этом гробу он и лежал! Ну этого не может быть, глупость ведь, ясно. Наверное он родственник того, что в гробу лежал, братаны они или может двойняшки. Один умер, а второй дома от тоски мыкался-мыкался и не выдержал, вот и пошёл к брательнику на могилку. Конечно всё так и было, подумал я и снова успокоился. И тут меня опять осенило: а как же он прошёл, ворота-то на замок закрыты, есть конечно ещё и служебная дверь, но ключи от неё только у Лизаветы Климовны. Разве она дала? В общем так ни до чего не додумавшись, я пришёл, лёг на свою раскладушку и задремал. Сон пришёл беспокойный, тревожный а тут ещё сквозь сон слышу, как по рельсам трамвай вроде ездит, хотя его уже лет сорок как отменили, одни шпалы и рельсы остались, да и те частично в асфальт закатали, но вот

же, слышу он ездит проклятый, да так, что кирпичные стены дрожат от чугунных колёсных пар.

Утром пришёл мой сменщик Козлов, слушай, говорю я ему, откуда здесь трамвай взялся?..

– Тю,

Покрутил он пальцем у виска.

– Полвека назад ездил, да отъездился.

– Но ведь слышал же я и стены тряслись..

– Так это не трамвай, это на Любаниных сопках руду добывают.

Надо сказать, город наш действительно со всех сторон сопками окружён.

– Где-где? Сопки отсюда в 12 километрах!

– Ну так что..с тех пор прокопали под ними шурфы всякие, да штольни во все стороны пробрили, вот локомотив под землёй и тянет вагоны с рудой, говорят аж на 20 километров породу всю выбрали. Шурин мне рассказывал, он там бригадиром.

Почесал я в затылке, оно и правда, вокруг города сплошные отвалы земли и шлака чёрного. И шахтёры день и ночь

как кроты роют, а их в городе каждый третий будет. Вон на кладбище вся восточная часть под эту чумазую орду отдана, даже кто-то заметил в шутку ли в правду, что по ночам они там касками стучат. Я врать не буду, ничего не слышал.

– А я тебе ещё вот что скажу, Николай, ты на Лизку-то глаз не клади, а то я вижу..шары повыкатил.

– Это ещё почему?

Смутился я.

– А ведьма она, твоя Елизавета Климовна.

Я отшатнулся от него.

– Что чушь несёшь..

– Летом на поповской могиле видимо невидимо мухоморов росло, так она их все собрала и домой унесла.

– Брехня всё это, моя тётка из мухоморов отвар делала и в голову втирала, чтобы волосы гуще росли...а ты уж раздул.

– Дурак ты, Николай, не веришь мне, спроси Трофима. Говорю тебе ведьма, и мать её Серафима, такая же была, люди говорят опытная чернокнижница, она и обучила дочку. Хочешь проверить?.. Шепни ей на ушко: Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...

– И что с того?

– И увидишь что с ней делается. До тебя ещё путалась Лизка тут с тремя могильщиками, а после один топором жёну зарубил, второй скотоложником сделался, а третьего до сих пор ищут.

– Да ладно тебе...будет такая с неотёсанными лопатниками путаться. Прямо как у Маршака: всем даёт по вторникам, даже пьяным дворникам. Чепуху гонишь, Козлов, да она этой банде и голую коленку не покажет. А так, думаю, перепились они вот и наворотили дел, а то я не знаю, что это за ягодки такие. Волчьи, вот.

– А про шофёра слышал?

– А что шофёр?..

– Сейчас ты видел, она сама машину водит, а до этого у неё шофёр был, Валерка Лягайло, высокий такой, красивый...мужик.

– Ну и что.

– А то, что он теперь на 8-м участке под номером 118 лежит.

– Гм..почему это?

– Влюбился в неё, точь-в-точь как ты, шары на Лизку выкатывал, ручки ей целовал.

– А что на неё смотреть-то..баба она и есть баба, ну красивая, а кроме неё он что ли их не видел?

– Может и видел, да только хоронили его с откусанным одним местом.

– Глупый ты, Козлов и мать её зачем-то приплёл..Лизаве-

та Климовна что ли ему откусила? Может он сам себя изувечил от любви или по дури молодой, а ты уж горазд слухи распускать.

– Да? А ты попробуй сам себе откуси, если дотянешься – Иуда Искариот тебе в помощь..

И так он меня вдруг раздражил в своей вязаной шапочке и с оттопыренными ушами, что захотелось ему врезать, но он моложе и не хромым как я. Сдержался.

– Я тебя, Николай, предупредил, ты человек здесь новый, и самое лучшее для тебя, сидеть как мышь под веником... а там как хошь.

Он схватил со стола железный чайник и стал жадно пить из носика, вода стекала по его небритой шее на рубашку, кадык двигался челноком туда-сюда. .

– Ты, Козлов, всё это от обиды несёшь, по мелкоте своей души, что не смотрит она на тебя..Так она и на меня не смотрит, не такие мы с тобой люди, чтобы Лизавета Климовна внимание на нас обращала. Ты когда-нибудь видел, чтобы генерал солдату честь отдавал? То-то же...а мы с тобой даже и не солдаты, а так, обозники. Вот не набросилась она на тебя, а почему?..Ведь мужик ты вроде здоровый, молодой..

Ехидно заметил я. Ответ его был неожиданным:

– А я всегда с иконкой, да молитвенником хожу поэтому и жив ещё. Не может ведьма ничего мне сделать, только зубами скрипит.

– Тогда скажи мне, почему у тебя на руке “Лиза” наколото?

– А это, Коля, не твоего ума дело.

– Вот-вот, я и вижу, что тебя и без Лизаветы Климовны скоро санитары заберут. А её не трожь, она святой человек, вон как на работе горит, каждого покойника со слезами провозжает.

– Говорю тебе волчица!

Сверкнул глазами Козлов и выскочил из сторожки, сильно хлопнув дверью. А я в некотором раздумье постоял у окна и начал собираться домой.

Надо сказать, что этот разговор меня сильно выбил из колеи. Больше всего поразило то, что Козлов носит в кармане молитвенник и иконку, чтобы спастись. И от кого? От красавицы Лизаветы. Чудачество?..Большей несуразицы и ерунды, и придумать сложно. Кто же от такой бабы будет прятаться, скорее наоборот: ей нас, грубых мужиков, надо опасаться и быть настороже. Уж я бы точно не отказался обнять её, да от одной только этой мысли захватывает дух!

Сразу после ссоры с Козловым, со мной приключился один очень неприятный момент, можно сказать, подозрительный момент.

Заступил я вечером на дежурство, как раз перед этим ураганный ветер над кладбищем пронёсся, нет, сверхъестественного в этом ничего нет, ураганы везде случаются. В городе он тоже много чего натворил, двух человек поваленным деревом убило.

Ветер пронёсся, поломал деревья, и, между делом, вырвал из гнезда флюгер, в виде железного дракона, и сбросил его с крыши замка на землю.

Поднимаю и хочу отнести железяку в сторожку, но тут смотрю лестница к стене приставлена и так удобно, как раз напротив того места откуда флюгер свалился, ладно, думаю, сейчас поднимусь, вставлю штырь в гнездо и всё это пяти минут не займёт, так и вышло, да вот только, когда начал спускаться с крыши, чуть шею себе не свернул.

Шарю это я ногой, хочу лестницу внизу нащупать, а её нет. Что такое? Куда делась, ведь только что была? Уже и падать стал, в последний момент ухватился за ржавое кровельное железо..и повис, болтая ногами. Была бы клумба немного левее, упал бы на неё может и не убится до смерти, а так только на свои силы пришлось рассчитывать – во мне их, слава богу, много. Подтянулся на руках и забрался обратно на крышу.

Сижу и думаю, какая же это сволочь моей смерти так возжадала; поздно, на кладбище уже никого нет кроме меня, –

последним ушёл Козлов – но ведь кто-то же лестницу специально убрал пока я с флюгером на крыше возился..не покойники ведь из могил повылазили – тут меня не проведёшь – а живой человек это сделал, конкретный, с таким расчётом, чтобы угробить Николая.

Посидел я на крыше, обдумывая своё глупое положение: кричи не кричи, кто теперь услышит? Хотя да, покричал немного для порядка, а потом влез в слуховое окно, пробрался через него на чердак – всё-таки там потеплее и просидел всю ночь на какой-то полуистлевшей лисьей шубе (уж не поляка ли безумного?), среди голубинового помёта, строительного мусора и подозрительного шороха.

Тихо. Только металлические крепления тускло отблёскивают в лунном свете, да Некто вонючий явно ходит вокруг меня кругами и злобно пофыркивает.

Вот такая вот ночка выдалась.

Утром пришли могильщики, услышали мои крики и поставили лестницу на прежнее место.

Спрашиваю на следующий день Козлова: “Твоя работа? Ты это подстроил?”. В ответ он ухмыльнулся и пробурчал что-то вроде: откуда я знал что ты там на крыше уединился, смотрю лестница приставлена к стене – не положено это, вот и убрал; после этого негодяй с шумом испустил кишечные газы и пошёл в развалочку по своим делам.

В последние дни я стал задумываться над поведением Козлова, оно стало казаться странным, нелепым что ли, а тут появилась и новая загадка.

Сижу я как-то вечером в сторожке, у открытого окна и любуюсь чудным вечерним небом, таким, знаете, сине-зелёным бархатом.

Сижу себе и думаю: как же это поэты могут вот так взять и в одночасье складно всё описать, да так, что пробирает до слёз. Это как же у них мозги-то устроены.

Только я об этом подумал, как услышал за окном подозрительную борьбу, потом собачий визг и матерную ругань – а ведь такая царственная тишина только что стояла!.. По голосу слышу – Козлов матерится. Выбегаю на крыльцо и вижу такую картину: Козлов в расстёгнутой рубашке хлещет арапником нашу суку Жульку. Жулька это безхвостая дворняга, которая прибилась к кладбищу, никто и не помнит уже когда, добрая и ласковая. И убежать бы ей, рыжей дуре, так нет, живодёр привязал её к забору и знай себе наяривает плёткой. Я бросился к нему, но этот гад оттолкнул меня с криком: “Не подходи, Наколай, убью! Всех поубиваю”... Тут прибежал на шум Трофим и вдвоём мы повалили Козлова на траву, не обошлось без борьбы, связали ему руки за спиной какой-то подвернувшийся к случаю тряпкой. Он хрипел, плевался и пытался вырваться, но потом затих и лежал всхлипывая, уткнувшись лицом в пыльную траву. Я тем временем отвязал Жульку, и она засеменила прочь, поскуливая и при-

волакивая перебитую заднюю ногу.

– Ты что же это делаешь, дурень, зачем Жульку убить хотел?

Спросил его Трофим.

– Нет, не могу я так, лучше убейте меня, никаких сил больше нету.

– Да что на тебя нашло-то, зачем беззащитного пса плёткой стегал?

– Сам не знаю, жизнь не мила мне стала... помутилось что-то в голове, словно кто приказал: иди и сделай зло немедленно. Не мог я послушаться.

Мы развязали Козлова, он сел на лавочку в грязной разорванной рубаше, опустил чуть не до земли свои длинные жилистые руки, да так и сидел вздрагивая. В уголках рта у него выступила пена, потухшие глаза часто моргали. Когда Трофим ушёл, я подсел к нему и спросил:

– Мне-то уж скажи в чём дело, из-за неё?

Я кивнул головой в сторону замка. Глаза его неожиданно полыхнули злым огнём, мне показалось, что Козлов сейчас бросится на меня и начнёт душить, но порыв гнева быстро

прошёл и он ответив вполне миролюбиво:

– Эх, Коля, не могу я тебе ничего сказать..потому что не могу и всё.

– А собаку-то зачем плёткой бил, думаешь ей не больно?

– А мне думаешь не больно?..Меня может и посильнее бьют. Хочешь покажу тебе свою спину?

– Не надо.

– А душа израненная, Коля, это не в счёт? Да люблю я люблю животных, жуков там всяких и нечего на меня так смотреть. Ты не знаешь, а я прихожу домой с работы и скворечники мастерю, потому что природу-матушку уважаю.

Я встал и пошёл в сторожку допивать остывший чай.

А Козлов посидел немного на лавочке и поплёлся к выходу. Сегодня была не его смена.

Дни шли, на кладбище ничего особенного не происходило, покойники были там, где им и положено и если бы не постоянное присутствие Лизы, то и вообще скука была бы смертная. Козлов перестал со мной разговаривать, Лизавета Климовна тоже не приходила ни с какими проверками, не обращалась ко мне и даже ни разу не посмотрела в мою сторону. Я только издали наблюдал как она приезжала на дорогой чёрной машине, выходила и, зажав подмышкой белый кожаный клатч, шла в свой кабинет на втором этаже замка,

как раз над ритуальным залом. “Я гляжу ей вслед – ничего в ней нет, А я все гляжу – глаз не отвожу”. Так кажется в песне поётся..

Но всё же один странный случай со мной произошёл, впрочем может он и не такой уж странный, судите сами. Как-то раз вечером, сижу я в сторожке за столом и пью чай, и вот вижу в окно с неба спускается чёрный человек, далеко правда, плохо видно, но споро так к земле летит и с таким расчётом, чтобы прямиком, значит, на кладбище ему приземлиться. Я кружку с чаем в сторону и выбегаю на крыльцо. На небе ни облачка. Вечереет. Из-за елей луна вывалилась, и вот словно с луны этот летун и спускается.

Бросился я туда, куда он нацелился сесть, это же мои прямые обязанности порядок на кладбище поддерживать, палку взял для острастки – мало ли что, ведь такие гады бывают..А когда на место добрался, вижу висит на ограде пакет мусорный. Большой такой чёрный мешок, с какими обычно дворники по утрам выходят на работу. Вот так наваждение, что же это..соображаю, где-то в воздух его ветром подняло, переместило и сюда приволокло прямиком на могилу Анфисы Веригиной. Есть в этом странность?..Да вроде нет, вот только вокруг ни ветерка. Полное безветрие. Штиль, как говорится. Теперь смотрю на могилку, на памятнике фото юной девушки со скрипкой в обнимку. Её историю все зна-

ют. Играла она в камерном оркестре в нашей городской филармонии, но старый дирижёр в неё влюбился, умолял, клялся, ползал на коленях, она ни в какую, зачем ей такой любовник, тогда он подкараулил её после концерта и надругался в гримёрной..А скрипачка, что..полуребёнок, позора не выдержала и руки на себя прямо там и наложила. А может и сам маэстро Анфису придушил. Опросить его не удалось, он после этого совсем обезумел, да вскоре и умер. Смерть их развела по разным концам кладбища. Могила дирижёра заброшена, там одни сорняки.

Я смотрю на её фотографию, да это же вылитая Елизавета Климовна только на 10 лет моложе. И губки, и щёчки и глаза её.. А когда этот старый чёрт в любви ей объяснялся, она, наверное, покраснела от стыда и хлопала своими большими глазами. Да, трудно ребёнку мир понять, а миру понять ребёнка ещё труднее. Про это место мне кое-что рассказывали. Вот, например, земляника в лесу только-только цвести начинает, а у Анфисы на могилке уже налитые ягодки висят. Большие, красные как капельки крови. И так каждый год. А ещё кто-то в день её смерти живые розы приносит. А почему всё так? А кто ж его знает, видно кому-то так надо. Эх, прожить бы жизнь, чтобы рядом с тобой и травинка не шелохнулась..а никак не проживёшь. Если у смерти на тебя ордер выписан – нигде не спрячешься!..Даже безвредный старик и тот на твоей шее пальцы сомкнёт. Но это я так, для примера.

Не успел я вернуться в сторожку, как зазвонил телефон, и наглый голос в трубке заявил:

- Ты зачем к Анфисе на могилу ходил?
- Ну был, а ты кто такой?
- Больше не ходи туда...

И так этот голос меня вдруг разозлил, что я психанул и закричал в трубку:

– Ходил и буду ходить!..А хошь бы и сам Иван Грозный там лежал. Это моя работа, пока я на дежурстве, все могилы под моим присмотром. Понял, ты?

Но трубка уже молчала. И вот подумал я, а не устроило ли мне начальство таким образом проверку. Я человек новый, можно сказать ещё на испытании, а они порешили: узнаем, годится ли хромой Николай в сторожа. Спорый ли, умён, проворен, а может труслив и зря деньги получает?.. Начальство оно изошрённо в этих выдумках. Было у меня однажды... устроился я электриком в магазин, так директор мне такую проверочку устроил..Позвал в кабинет, якобы розетку починить, разложил везде деньги, банки с чёрной икрой...мол, давай Коля, работай, а я пойду пока покурю; а сам в замочную скважину сел подглядывать, – не проколется ли

новенький, не даст ли слабинку, а ну как засунет банку икры к себе в карман. А что, везде они одинаковые эти начальники, думают что деньги только для них придумали, а работяги свои гроши за зря получают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.